

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.2.2-439-451

УДК 784.3

СВЕЧА В ЛЕДЯНОМ ДОМЕ

Штуден Лев Леонидович,

доктор культурологии,

профессор кафедры философии и гуманитарных наук

Новосибирского государственного университета

экономики и управления – «НИНХ»,

Россия, 630099, Новосибирск, ул. Каменская, д. 56

shtuden@mail.ru

Аннотация

В статье исследуется своеобразный музыкальный жанр – советская лирическая песня, ее место в советской повседневности, ее эстетическая задача, ее судьба в течение 70-летнего периода жизни. Объясняются причины, почему этот жанр именно в советскую эпоху оказался востребованным настолько, что стал частью народной культуры. Попутно рассматриваются жанры песен, в тот же период времени бывших частью официальной пропаганды, но не принятых в обиходе. Отмечено, что даже талантливо сделанные псевдонародные песни, например, песни В.Г. Захарова для хора имени М.Е. Пятницкого, хотя и активно пропагандировались и часто исполнялись со сцены и по радио, действительно народными так и не стали. В статье сделана попытка объяснить причины этого стихийно-массового ostracism действием «народной цензуры». Блатная лирика как таковая не исследуется, за исключением «гимна заключенных» – песни «Я помню тот Ванинский порт». Анализируются причины внезапного конца «золотого века» советской лирической песни, чья органика перестала соответствовать коммерческим интересам постперестроечной российской песенной эстрады.

Ключевые слова: народное творчество, песенная лирика, крестьянская протяжная песня, публичный оптимизм, перестройка.

Библиографическое описание для цитирования:

Штуден Л.Л. Свеча в ледяном доме // Идеи и идеалы. – 2019. – Т. 11, № 2, ч. 2. – С. 439–451. – DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.2.2-439-451.

Если верно предположение, что культура есть живой организм, то естественен вопрос: существуют ли у этого организма «органы», отвечающие за его жизнедеятельность? Прямых биологических аналогий здесь, конечно, быть не может, но мы вправе предположить, что очень важная часть организма – художественная культура, отвечающая за эстетические пред-

почтения этноса, – в некоторые периоды истории может играть очень своеобразную и жизненно необходимую психотерапевтическую роль.

Речь идет в первую очередь о народном творчестве. Песенная традиция, танцы, «смеховая» культура (гистрионы, шпильманы, скоморохи), карнавалы, массовые гуляния – всё это способствует духовному раскрепощению людей. Если уютно, от этого в какой-то мере зависит душевное здоровье нации.

Теперь представим себе, что в силу конкретных исторических причин какой-то из жизненно важных «органов» культуры сильно поврежден или даже уничтожен. Что за этим последует? Исход такой ситуации возможен в двух вариантах: либо система перестраивается – как правило, в сторону упрощения, либо организм культуры воссоздает внутри себя дополнительный «орган», чтобы компенсировать потерю. Такая картина сложилась в России с песенным народным творчеством в годы советской власти.

Вообще народная культура России за многие века исторических потрясений, войн, социальных экспериментов и революций – прекрасный наглядный материал для анализа насильственных культурных «переломов» с неизбежными в результате травмами и потерями. Например, разгром скоморошества в 1648 г. привел к гибели и почти полному забвению народной инструментальной музыки в России. Но сохранилась крестьянская песенная традиция и продолжалась до тех пор, пока сталинская коллективизация не привела к печальному финалу, заодно с самим крестьянством, и эту часть народной культуры. Что от нее сохранилось? Академические записи А.К. Лядова и Н.А. Римского-Корсакова, некоторые мелодии, использованные классиками в их симфониях и операх, фонограммы выступлений знаменитых вокалистов (С.Я. Лемешева, Н.А. Обуховой, Ф.И. Шаляпина), пытавшихся хоть что-нибудь спасти для потомков... И это всё. Живая традиция умерла. Энтузиасты фольклорных самодеятельных экспедиций 60-х–70-х гг. иногда находили по медвежьим углам провинций полуглухих старух, ещё помнивших, *что* пели в деревнях при «старом режиме», и за бутылку «столичной» способных это напеть под весьма несовершенную магнитофонную запись. Остальное, конечно, забывалось...

Но можно ли сказать, что *вся* песенная народная стихия в годы сталинского лихолетья пресеклась и погибла? К счастью, этого не случилось. Возник совершенно новый, небывалый жанр – советская лирическая песня [12]. Она и заменила протяжную крестьянскую – кладезь российской песенной традиции, и протяжную городскую – эту предшественницу романса.

Почему появился этот жанр – популярный, всенародно любимый, через эстраду, кино и радио распространяемый по всей стране? Во времена неслыханных испытаний в таких песнях появилась насущная необходимость. Распевность, мелодическая прелесть, сердечная теплота и вообще всё то, что принято называть *душевной отзывчивостью* русской народной музыки, вдох-

новлявшей наших классиков – от Глинки до Свиридова – на создание шедевров. Всё это воскресло уже не в творчестве безымянных певцов, а в работах профессиональных композиторов, выпускников училищ и консерваторий.

М.И. Глинка когда-то писал: «Создает музыку народ, а мы, художники, ее только аранжируем». Так действительно было в идилическом XIX веке! В революционном XX процесс сделался обратным: музыка, создаваемая профессионалами для эстрады, радио и кино, стихийно уходила в массы. При этом популярность некоторых песен преодолевала границы страны, и эти песни становились всемирно знаменитыми! Так произошло ещё до войны с «Катюшей» М.И. Блантера и много позже – с «Подмосковными вечерами» В.П. Соловьёва-Седого. Если их до сих пор поют за рубежом, то можно себе представить резонанс этих песен на Родине! Их исполняли и в тесном кругу, и на застольях, свадьбах, гуляньях, туристических привалах... Никогда в одиночку, только хором, ибо русская песенная лирика – это изначально хоровой жанр. Стихия песни в общинной России – это почти обязательно совместное пение.

Итак, почти каждую из «народных» песен советского времени *не народ* сочинял – сочиняли профессиональные музыканты. Тем не менее эти песни с полным правом называют народными. Почему же?

Во-первых, потому что из огромного множества песен, появившихся на эстраде, в кинофильмах, на радио, народ САМ отбирал то, что ему было необходимо, ласкало душу и согревало сердце. В советское время (в сталинские годы особенно) в распеваемых текстах было много идеологического мусора – особенно в песнях, по жанру восходивших к гимнам и маршам, – песнях о Партии, Ленине, Сталине, борьбе за мир... Позже к ним прибавились песни о покорителях космоса. Их официально именовали «массовыми» [16], хотя «массы» нигде и никогда их не пели. Их исполняли только титулованные певцы, посетители кремлевских приемов. Во время войны, когда чуть ли не в каждой песне фигурировал товарищ Сталин, что пели охотней всего? «На позицию девушка...», «Вьётся в тесной печурке огонь» и конечно «Тёмную ночь», хоть эта вещь совсем не для хора была написана... [2, 3, 6, 8, 13, 24.] Песни, абсолютно далекие от официальной идеологии. И хотя партийные цензоры, стоя на страже «принципов», активно вымарывали всё идеологически чуждое, народ, следуя безошибочному чутью, делал – большей частью стихийно – свой собственный отбор, с которым не могла совладать никакая цензура.

Если же говорить о главной причине массового «присвоения» советскими людьми полюбившихся песен (что, собственно, и делало их *народными*), так это нужда в душевном тепле, когда-то согревавшем душу в крестьянских протяжных напевах. Теперь это с успехом делала советская песенная лирика [9]. Она была как глоток живого воздуха в сплошном дыму, как свеча в ле-

дяном доме, дающая тот минимум тепла и света, без которого не могла бы продолжаться жизнь... Это, если угодно, и был тот «дополнительный орган», который сформировала репрессированная культура страны, где уничтожались целые сословия: дворянство, интеллигенция, купечество, священство... наконец, и крестьянство, бывшее некогда творцом народной песни.

Прошли годы, канула в Лету советская власть, но в памяти старшего поколения еще живет феномен лирической советской песни. Срок ее жизни – примерно от начала 20-х гг. XX в. до так называемой перестройки, до полновластного господства хамской «попсы», втоптавшей в грязь все песенные идеалы, уничтожившей – уже без возврата! – последний живой источник песенной лирики.

Вспомним, наконец, о творцах – когорте песенных кудесников, чей труд был востребован и дал такие замечательные плоды: М.И. Блантер, И.О. Дунаевский, В.Е. Баснер, Я.А. Френкель, А.А. Бабаджанян, Н.В. Богословский, А.Н. Колкер, Э.С. Колмановский, Л.А. Лядова, А.Н. Пахмутова, М.Г. Фрадкин, А.Г. Новиков, А.И. Островский, А.П. Петров, В.П. Соловьёв-Седой, О.Б. Фельцман, Б.А. Мокроусов, А.Я. Лепин, С.А. Кац, В.Я. Шаинский, М.А. Таривердиев, братья Покрасс... [4, с. 7–41; 7; 11; 14; 20]. Конечно, приведенный здесь перечень имен не полон; в рамках одной статьи нет возможности назвать каждого, чью песенную лирику знала и пела вся Россия.

Уже при беглом взгляде на этот список бросается в глаза обилие нерусских фамилий... Немаловажная деталь! Имеем ли мы право назвать лирическую песню, возникшую в разномастной среде артистической советской интеллигенции, прямой наследницей крестьянских «протяжных» песен?

Почти все поименованные здесь авторы родились и жили в России, с детства хорошо знали музыку русской классики и – это главное – воспитали свой слух на звучании русских песен, что дает им полное право считать себя наследниками музыкальных традиций России. Главное здесь – не «родные» песенные интонации, а вот эта атмосфера теплоты и сердечности, которая спокон веку была специфична именно для русской песенной культуры.

Но были, конечно, и существенные отличия, они-то нам и позволяют обозначить советскую песенную лирику как особый, уникальный жанр. Вспомним знаменитые строки поэта Николая Некрасова, обращенные к русскому народу:

*Ты проснешься ль, исполненный сил,
Иль, судеб повинаясь закону,
Всё, что мог, ты уже совершил,
Создал песню, подобную стону,
И духовно навеки почил?..*

Песня, подобная стону, действительно бытовала в российской деревне – это и была знаменитая «протяжная». Ею не раз вдохновлялись наши композиторы-классики [17]. Но какой же «стон» мог пройти цензуру во времена действительно стонущей Советской России? Его моментально окрестили бы идеологической диверсией... Советская песня обязана быть светлой, отражать новую счастливую жизнь [19]! Ну, минутная печаль иногда (например, во время разлуки); ну, светлая грусть (например, от неразделенной любви), но уж конечно ничего «подобного стону»! При старом-то режиме «стон» – это нормально и объяснимо, однако его не должно быть слышно на просторах счастливой советской державы. Обязательный публичный оптимизм – устойчивая черта всех тиранических режимов мира.

Особая эмоциональная среда – среда *ложного восторга* – не способствует, конечно, подлинному искусству. Но здесь мы должны сделать оговорку: советская лирическая песня охотно взяла на себя задачу быть светлой и духоподъемной, но не из рабской покорности режиму, а из стремления во что бы то ни стало отстоять жизнь! *Душевное здоровье в больной стране* – вот что было сверхзадачей советских музыкантов-песенников. Именно этот неповторимый симбиоз – традиционного лиризма русской песенной стихии и светлого чувства надежды вопреки всем смертям и невзгодам – образует этот уникальный, неповторимый жанр.

В деревнях эти песни распространялись иногда без помощи радио: далеко не все деревни были радиофицированы. Привожу, по записи, рассказ однокурсника, чье детство прошло в колхозе сталинской поры: *«У нас, конечно, был клуб, и там керосиновые лампы, гармошка... Всё новое, что к нам приходило, моментально подхватывалось. В первую очередь это касалось хороших новых песен, а советский период был богат ими. Электричества и радио не было, но в деревне было несколько довоенных механических патефонов, и новые пластинки (при всём дефиците денег) были лучшей покупкой во время поездки на городской базар! Новые песни подхватывала вся деревня. Тексты песен присылались и в письмах (даже с фронта). Так что песни пели всякие: и народные (русские, еще больше украинские), и особенно новые советские... И кинопередвижка приезжала иногда! В те годы редкий фильм обходился без своей песни – ее и подхватывали почти сразу»* [22, с. 36].

А в городе, где в каждом доме на стене красовалась черная «тарелка» (радио), где были кинотеатры и песенная эстрада, советская лирическая песня еще легче находила путь к массовому слушателю, а уж на домашних-то посиделках этот слушатель почти обязательно становился исполнителем.

Подхваченная из эфира песня так стремительно становилась народной, что были случаи, когда имя настоящего автора музыки бесследно исчезало, его и журналисты не могли найти... Так произошло, например, с известнейшей песней военных лет «На позицию девушка провожала бой-

ца» [24]. Тяга к анонимности идет, впрочем, еще от песен революционной поры, там авторы текстов напропалую пользовались мелодиями старых песен [5]. Такие заимствования не смущали никого, поскольку «авторского права» в те времена не существовало [21]. Например, мелодию знаменитой песни «Мы кузнецы, и дух наш молод...» приписывали в разное время разным авторам, в том числе находили ее даже похожей на французскую шансонетку... [15]. Заимствовали само собой – и очень широко – мелодии популярных народных песен.

Но ко времени формирования Советского государства, советской песенной эстрады и кинематографии уже не было смысла в продолжении таких заимствований, здесь приступила к активной работе когорта профессиональных музыкантов-песенников. Они почти мгновенно нащупали главный слуховой нерв массового слушателя... И поплыли из края в край, в быт советских крестьян и городские квартиры песни удивительной красоты!

Надо отметить сразу: почти все авторы, независимо от степени своего мелодического дарования, стремились как можно ярче приблизить звучание своих песен к русской народной традиции. Когда это удавалось, песня легко становилась подлинно народной! Характерный пример – «Ой, цветет калина» И.О. Дунаевского из кинофильма «Кубанские казаки». Известен анекдотический рассказ по поводу этой песни: композитор сыграл ее на рояле в сельском клубе для режиссера И.А. Пырьева: «Такой песни еще нигде не было, в вашей картине ее услышат впервые...» Но стоило им выйти за пределы клуба – со стороны речного берега донеслась до их ушей та же самая песня... «Как же так, – возмутился Пырьев, – вы мне обещали, что это оригинальное ваше произведение, но песню, оказывается, уже поют!» Дунаевский побежал к берегу, Пырьев за ним... Что же они увидели? Песню пел деревенский парень, который, оказывается, услышал ее, находясь во время репетиции рядом с концертным залом клуба.

Не все лирические песни, сочиненные при советской власти, стихийно овладевали массами: композиторы, за плечами которых была учеба в училищах и консерваториях, часто писали свои произведения для профессиональной эстрады, и тогда они приближались по жанру к лирической поэме, непригодной для стихийного исполнения хором. Песня оставалась популярной – но лишь для слушателя. «В лесу прифронтовом» М.И. Блантера – характерный пример такой песни [8].

Была и попытка – талантливая попытка! – специально придумать песни для советской деревни, чтоб они могли целиком и полностью заменить «старорежимный» деревенский фольклор. Эти песни исполнял хорошо известный коллектив – хор имени М.Е. Пятницкого. До революции этот ансамбль народных певцов исполнял песни, собранные и записанные

самим М.Е. Пятницким, но 4 года спустя после его смерти руководителем был назначен В.Г. Захаров, хоровой дирижер и композитор [22, с. 232]. Собирать песенный материал ему не было нужды – сам сочинял! В сталинскую эпоху песни В.Г. Захарова каждый год звучали на радио, исполнялись с эстрады по всей стране, всемерно пропагандировались. В этом не было ничего удивительного: помимо того, что «песни советских крестьян» были талантливо сделаны, они рисовали радужными красками жизнь новой деревни (и это во времена крайней нищеты, массовых посадок и массового голода). Муза В.Г. Захарова была совсем не своеобразна и не легкомысленна – она исправно служила по ведомству пропаганды, и «наверху» это ценили. Все песни были мелодически яркими, легко ложились на память и казались такими в доску своими, *народными* [18, с. 232]! Но... в народе их никто не пел. Тут-то как раз и сказалась народная цензура русской деревни: по микрофону, с трибуны ври сколько угодно, но *душу* не трожь! Слишком уж явно себя обнаруживала якобы простонародная фальшь захаровских шедевров.

Нельзя хотя бы вскользь не упомянуть о тюремном фольклоре. Население советских лагерей не только по количеству, но и по социальному составу вполне могло бы образовать отдельное солидное государство. В этом государстве, естественно, были свои собственные народные песни, их охотно пели и во внешнем мире, академик А.Д. Сахаров очень метко назвал его «большой зоной».

Блатная лирика находилась, так сказать, на полупулегалном положении. Ее пели и в застолье, и на туристических привалах, на студенческих вечеринках и даже в пионерских лагерях. Об этом знали, но за исполнение таких песен никого не наказывали. Известен даже случай, когда Л.О. Утёсов пел с эстрады по просьбе Сталина «С одесского кичмана». Однако по радио и в кинофильмах эти песни не звучали: в счастливой советской стране архипелаг ГУЛАГ официально не существовал, а композиторы-песенники не позволяли себе увлечься лагерным фольклором, тем более что по качеству музыкальных интонаций он был довольно однообразен и примитивен. Авторская песня, уже в 70-х гг., могла себе позволить такой симбиоз. У В. Высоцкого, А. Галича, Б. Окуджавы он улавливается с легкостью. Но авторская песня – это индивидуальный жанр, воспринимаемый публикой лишь на слух, поэтому разговор о влиянии блатной лирики на русскую народную песню смысла не имеет.

Но всё же нельзя обойти молчанием одно поистине грандиозное творение эзков – песню «Я помню тот Ванинский порт» [1]. Ее называют гимном заключенных [23]. Ни автора слов, ни автора музыки невозможно сейчас установить, все варианты, а их десятки, отвергаются критиками. Одно можно предположить с уверенностью: авторами были не уголовники!

В этой песне в полную силу звучит трагедия миллионов невинно погубленных в чудовищных лагерях Колымы людей. Вот почему именно эту лагерную песню подхватил народ и вот почему ее пели повсюду – она-то и была «песней, подобной стону», будившей среди победных маршей самосознание народа, попавшего в капкан тоталитарной власти.

По ту и по эту сторону колючей проволоки не прекращался стон, а на киноэкране и по радио тем временем звучало каждый день: «Хороши весной в саду цветочки», «Лучше нету того цветку», «На границе шумели березки...» – и пока звучала такая песня, любому, кто не был под следствием, не хлебал тюремную баланду, не трудился на лесоповале, на душе было спокойно и хорошо. Эта неусыпная *духподъемная служба* советской лирической песни продолжалась почти 70 лет и закончилась к началу перестройки, т. е. ровно тогда, когда хозяйкой песенной эстрады стала коммерция. «Раскрученные» певцы, «раскрученные» авторы песен, модные вокально-инструментальные ансамбли... Не было больше нужды в задушевной мечтательности талантливых мелодистов ненастной «совковой» поры! Советская песенная лирика почти моментально стала *ретрожанром* и фактически умерла. Сейчас о ней вспоминают только к юбилейным датам...

Так вместе с советской властью в России невосстановимо увяла еще одна мощная культурная эпоха. Автор остро это почувствовал в конце 90-х, когда ему довелось присутствовать на выпускном вечере вчерашних школьниц в зале одного из загородных пансионатов (спонсором пирушки был папа одной из учениц). Девушки должны были спеть для родителей и учителей свою любимую песню.

И вот они чинно выстраиваются в ряд – девчонки, еще вчера по звонку собиравшиеся в учебных классах. Милые, опрятно одетые, украшенные мамиными серьгами и кольцами. Что знают, что будут петь? Минута, и мы услышали:

*Не гляди на меня. Ой, не надо, не надо,
И коленки мои не тревожь.
Ты мне прямо скажи, чё те надо, чё те надо,
Может дам, может дам, чё ты хошь...*

Аплодисментов не было. Мне хорошо запомнилось неловкое молчание взрослой аудитории: никто не был готов к тому, что песенка модной тогда группы «Балаган Лимитед» с явно скабресным подтекстом – единственное, что знали наизусть и готовы были исполнить для родителей вчерашние школьницы.

Новое время – новые песни. На что сетовать, кому жаловаться? По словам Э. Лассан, «современный человек поющий сбрасывает сегодня покров моральных табу, которые он считает ханжескими» [10, с. 22]. Вре-

мя несчастливых, но чистых душою людей, способных мечтать, не жаждущих ни скорой наживы, ни фальшивого успеха, прошло. Свеча догорела и погасла – и быстрый, без следа развеянный в пространстве эфирный след не сохранил о ней даже легкого воспоминания.

Литература

1. Бахтин В.С. История песни «Я помню тот Ванинский порт»: автор и песня // Фольклор и культурная среда ГУЛАГа. – СПб.: Края Москвы, 1994. – 211 с.
2. Бирюков Ю. И поет мне в землянке гармонь // Советская Россия. – 1984. – 16 декабря.
3. Бирюков Ю. Казак уходил на войну // Советская Россия. – 1984. – 23 сентября.
4. Брянцева В.Н. Советская песня // Советская музыка сегодня. – М.: Знание, 1968. – С. 7–41.
5. Бурматов М.А. Зарождение новых форм песенного репертуара в Советской России (20–30-е годы XX века) // Человек и культура. – 2017. – № 1. – С. 88–97.
6. Завадская Н. Любимые песни военных лет. – М.: Советский композитор, 1987. – 120 с.
7. Иванова Л.И. Советская песня [Электронный ресурс] // Norma40.ru: сайт. – URL: <http://www.norma40.ru/articles/sovetskaya-pesnya-v-30-gody.htm#lyrica/> (дата обращения: 16.04.2019).
8. История песни «В лесу прифронтовом» [Электронный ресурс] // Liveinternet.ru: сайт. – URL: <https://www.liveinternet.ru/users/bahit/post3232654609> (дата обращения: 16.04.2019).
9. Карапетян Е.А. Социоментальные особенности русской лирической песни советской эпохи // Актуальные вопросы социогуманитарного знания: история и современность: межвузовский сборник научных трудов. – Краснодар: КрУ МВА России, 2013. – Вып. 9. – С. 51–57.
10. Лассан Э. Лирическая песня как идеологический феномен // Политическая лингвистика. – 2009. – № 4 (30). – С. 14–31.
11. Лебединский А. Песенное творчество советских композиторов. – М.: Знание, 1959. – 56 с.
12. Лирические песни. – М.: Современник, 1990. – 653 с.
13. Луковников А. Песни военных лет // Культпросвет работа. – 1973. – № 4. – С. 47–50.
14. Мастера песни: сборник статей. – М.: Советская Россия, 1971. – 96 с.
15. «Мы кузнецы, и дух наш молод» [Электронный ресурс] // A-pesni: web-сайт. – URL: <http://a-pesni.org/starrev/mykuznetsy.php> (дата обращения: 16.04.2019).
16. Нестьев И. Массовая песня // Очерки советского музыкального творчества: т. 1. – М.; Л.: Музгиз, 1947. – 320 с.
17. Протяжные лирические песни [Электронный ресурс] // Поиск лекций: web-сайт. – URL: <https://poisk-ru.ru/s18823t4.html> (дата обращения: 16.04.2019).

18. *Сладковская А.Е.* Захаров Владимир Григорьевич // Энциклопедия Таганрога. – Таганрог: Антон, 1998. – С. 232.
19. *Соколов А.Н.* Русская советская песня. – М.: Советский композитор, 1959. – 508 с.
20. *Хенцова С.М.* Соловьев-Седой в Петрограде–Ленинграде. – Л.: Лениздат, 1984. – 238 с.
21. *Шилов А.* Из истории первых советских песен (1917–1924). – М.: Советский композитор, 1963. – 59 с.
22. *Штуден Л.Л.* Гошкины рассказы. – Новосибирск: Сибирское книжное издательство, 2014. – 260 с.
23. *Чернышева Е.Г.* Человек на rendez-vous в советской лирической песне о городах // Вопросы культурологии. – 2014. – № 4. – С. 73–77.
24. 10 легендарных песен периода Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] // Аргументы и факты: АиФ.ru: web-сайт. – URL: http://www.aif.ru/dontknows/10_legendarnyh_pesen_perioda_velikoy_otechestvennoy_voyny (дата обращения: 16.04.2019).

Статья поступила в редакцию 01.09.2018.

Статья прошла рецензирование 18.12.2018.

DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.2.2-439-451

CANDLE IN THE ICE HOUSE

Studen Lev,

D. of Sc. (Cultural Studies),

Professor of the Department of Philosophy and Humanities

Novosibirsk State University of Economics and Management,

56, Kamenskaya St., Novosibirsk, 630099, Russian Federation

shtuden@mail.ru

Abstract

The article explores such a kind of musical genre – a Soviet lyric song, its place in the Soviet everyday life, aesthetic task, and its fate during the 70-year period of life. The author substantiates the reasons why this genre in the Soviet era turned out to be so popular that it became a part of folk culture. The author also studies the phenomenon of some songs of that period, heavily propagated, but not popular among people. The author highlights the idea that even pseudo-folk songs, such as V.G. Zakharov's songs for the Pyatnitsky Choir, although actively propagandized and often performed from the stage and on the radio, did not really become popular. The article attempts to explain the reasons for this spontaneous mass ostracism by “popular censorship”. Thieves' lyrics as such are not explored, with the exception of the “anthem of prisoners” - the song “I remember that Vanino port.” The author analyzes the reasons for the sudden end of the “golden age” of the Soviet lyric song, which nature ceased to correspond to the commercial interests of post-perestroika Russian song variety.

Keywords: folk art, song lyrics, peasant lingering song, public optimism, perestroika.

Bibliographic description for citation:

Studen L. Candle in the ice house. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2019, vol. 11, iss. 2, pt. 2, pp. 439–451. DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.2.2-439-451.

References

1. Bakhtin V.S. Istoriya pesni “Ya pomnyu tot Vaninskii port”: avtor i pesnya [The history of the song “I remember that port of Vanin”: the author and the song]. *Fol'klor i kul'turnaya sreda GULAGa* [Folklore and cultural environment of the Gulag]. St. Petersburg, Kraya Moskv Publ., 1994. 211 p.
2. Biryukov Yu. I poyet mne v zemlyanke garmon' [And sings me in the dugout accordion]. *Sovetskaya Rossiya*, 1984, 16 December.
3. Biryukov Yu. Kazak ukhodil na voynu [Kazak went to war]. *Sovetskaya Rossiya*, 1984, 23 September.
4. Bryantseva V.N. Sovetskaya pesnya [Soviet song]. *Sovetskaya muzyka segodnya*. [Soviet music today]. Moscow, Znanie Publ., 1968, pp. 7–41.

5. Burmatov M.A. Zarozhdenie novykh form pesennogo repertuara v Sovetskoj Rossii (20–30-e gody XX veka) [Conception of the new forms of song repertoire in Soviet Russia (1920's – 1930's)]. *Chelovek i kul'tura – Man and Culture*, 2017, no. 1, pp. 88–97.
6. Zavadskaya N. Lyubimye pesni voennykh let [Favorite songs of the war years]. Moscow, Sovetskii kompozitor Publ., 1987. 120 p.
7. Ivanova L.I. Sovetskaya pesnya [Soviet song]. *Norma40.ru*: website. Available at: <http://www.norma40.ru/articles/sovetskaya-pesnya-v-30-gody.htm#lyrica/> (accessed 16.04.2019).
8. Istoriya pesni “V lesu prifrontovom” [The history of the song “In the frontline forest”]. *Liveinternet.ru*: website. Available at: <https://www.liveinternet.ru/users/bahit/post3232654609> (accessed 16.04.2019).
9. Karapetyan E.A. Sotsiamental'nye osobennosti russkoj liricheskoi pesni sovetskoi epokhi [Socio-mental features of the Russian lyric song of the Soviet era]. *Aktual'nye voprosy sotsiogumanitarnogo znaniya: istoriya i sovremennost': mezhuuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Actual issues of socio-humanitarian knowledge: history and modernity: interuniversity collection of scientific papers]. Krasnodar, KrU MIA Russia Publ., 2013, iss. 9, pp. 51–57.
10. Lissan E. Liricheskaya pesnya kak ideologicheskii fenomen [Lyrical song as an ideological phenomenon]. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*, 2009, no. 4 (30), pp. 14–31.
11. Lebedinskii A. *Pesennoe tvorchestvo sovetskikh kompozitorov* [Song art of Soviet composers]. Moscow, Znaniye Publ., 1959. 56 p.
12. *Liricheskie pesni* [Lyric songs]. Moscow, Sovremennik Publ., 1990. 653 p.
13. Lukovnikov A. Pesni voennykh let [Songs of the war years]. *Kul'tprosvet rabota*, 1973, no. 4, pp. 47–50.
14. *Mastera pesni: sbornik statej* [Masters of the song: digest of articles]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1971. 96 p.
15. “My kuznetsy, i dukh nash molod” [“We are blacksmiths, and our spirit is young”]. *A-pesni*: website. Available at: <http://a-pesni.org/starrev/mykuznetsy.php>. (accessed 16.04.2019).
16. Nest'ev I. Massovaya pesnya [Mass song]. *Očerki sovetskogo muzykal'nogo tvorchestva*: t. 1 [Sketches of Soviet musical creativity: vol. 1]. Moscow, Leningrad, Muzgiz Publ., 1947. 320 p.
17. Protyazhnye liricheskie pesni [Long lyrical songs]. *Poisk lektsii*: website. Available at: <https://poisk-ru.ru/s18823t4.html> (accessed 16.04.2019).
18. Sladkovskaya A.E. Zakharov Vladimir Grigor'evich. *Entsiklopediya Taganroga* [Encyclopedia of Taganrog]. Taganrog, Anton Publ., 1998, p. 232.
19. Sokhor A.N. *Russkaya sovetskaya pesnya* [Russian Soviet song]. Moscow, Sovetskii kompozitor Publ., 1959. 508 p.
20. Khentova S.M. *Solov'ev-Sedoi v Petrograde–Leningrade* [Solov'ev-Sedoy in Petrograd – Leningrad]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1984. 238 p.

21. Shilov A. *Iz istorii pervykh sovetskikh pesen (1917–1924)* [From the history of the first Soviet songs (1917–1924)]. Moscow, Sovetskii kompozitor Publ., 1963. 59 p.
22. Shtuden L.L. *Goshkiny rasskazy* [Goshka's stories]. Novosibirsk, Sibirskoye knizhnoye izdatel'stvo, 2014. 260 p.
23. Chernysheva Ye.G. Chelovek na rendez-vous v sovetskoy liricheskoy pesne o gorodakh [The person on rendez-vous in the Soviet lyrical song about the cities]. *Voprosy kul'turologii*, 2014, no. 4, pp. 73–77.
24. 10 legendarnykh pesen perioda Velikoi Otechestvennoi voyny [10 legendary songs of the Great Patriotic War]. *Argumenty i fakty: AiF.ru*. website. Available at: http://www.aif.ru/dontknows/10_legendarnyh_pesen_perioda_velikoy_otchestvennoy_voyny (accessed 16.04.2019).

The article was received on 01.09.2018.

The article was reviewed on 18.12.2018.